

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований
Том XXIV • 2021 • № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 90-летию со дня рождения
Бронислава Ивановича Кузнецова (1931–1985)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающий редактор номера — кандидат филологических наук Б. М. Нармаев (Санкт-Петербург)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: <http://www.pvost.org>
Подписано в печать 11.05.2021
Формат 60×90^{1/8}. Объем 13,75 печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail*: editor@isvoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/j5z5-9x29

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

Б. М. Нармаев. Б. И. Кузнецов — основоположник отечественной послевоенной тибетологии . . .	5
Е. Б. Кузнецова. О нашей семье: «Атмосфера, благоприятствующая занятиям наукой»	10
С.-Х. Д. Сыртыпова. О творческом наследии Б. И. Кузнецова (1931–1985) или поиски иранского следа в тибето-монгольском буддизме.	15

УЧЕНИКИ ОБ УЧИТЕЛЕ

М. В. Монгуш. Учитель, открывший мне Шамбалу (Воспоминания об одной лекции Б. И. Кузнецова)	26
А. А. Терентьев. Немного о Брониславе Ивановиче Кузнецове.	29
А. С. Донгак. Человек и Наставник	31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Д. Огнева. Танка как текст: опыт чтения сюжета «Восемь ступ»	33
К. В. Орлова. «Буддизм захватывает сердца, зажигает души...»	42
Т. Д. Скрынникова. Семантика топонима Ярлунг	45
Д. Стронах. Пасаргады, пуп земли. <i>Перевод с английского Б. М. Нармаева.</i>	48
В. Л. Успенский. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году	52

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Б. Л. Митруев. Ойратский текст «Tusa bütēqsen xan köbüün tuujı»	58
Р. П. Сумба. Учебная литература по философии на тибетском языке из фондов Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва	71
А. А. Туранская. Фотокопии древнеуйгурских материалов в коллекции ИВР РАН	75

АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ

С. Ю. Беленький, М. И. Тубянский. К вопросу об изучении тибетской медицины. Предисловие, подготовка переиздания, комментарии, приложение <i>Т. В. Ермаковой</i> и <i>Е. П. Островской.</i> . . .	87
---	----

тем преобразования их сознания), а затем и на окружающую среду.

Первое посвящение Калачакры, которое даровал Его Святейшество Далай-лама XIV за пределами Тибета в 1970-х гг. прошлого столетия, посетила буквально горсточка иностранцев. С тех пор он передал посвящение во многих странах мира: Северной Америке, Европе, Монголии, Австралии. Ваш покорный слуга делает это в России.

М. М.: *Почему именно сейчас вы так активно даете Посвящение в Калачакру?*

Римпоче: С точки зрения буддийской астрологии считается, что сейчас мы переживаем эпоху великого упадка. Это время характеризуется резким падением нравственности, забвением морально-этических устоев общества, увеличением количества всевозможных природных и техногенных катастроф. Отличительной чертой нынешнего времени стало и то, что ум у большинства людей стал возбужденным, агрессивным, алчным. Невероятно большое значение стало придаваться интеллекту, благодаря которому

изобретаются не только очень полезные для нашей жизни вещи, но всевозможные виды оружия массового уничтожения. Сами по себе оружие, снаряды, бомбы не возникают, их создает человек с помощью своего интеллекта. Поэтому самым лучшим средством, позволяющим противостоять этому безмерному хаосу и упадку, является Посвящение в Калачакру Тантру.

Его Святейшество Богдо-гэгэн IX, безусловно, очень обогатил мои знания о таинственной стране Шамбале. Позже, в 2011 г., в Улан-Удэ вышла книга моего коллеги Андрея Стрелкова «Легенда о Шамбале буддийского учения Калачакра», которую я прочитала на одном дыхании. Однако я всегда помню, что впервые услышала и узнала о Шамбале от Бронислава Ивановича Кузнецова, на лекцию которого однажды заглянула и, как сейчас понимаю, вовсе не случайно. Встреча с этим великим Учителем была для меня кармической, судьбоносной и невероятно светлой.

А. А. Терентьев

Немного о Брониславе Ивановиче Кузнецове

© А. А. Терентьев, 2021
DOI 10.25882/z9d3-z369

Терентьев Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь (Россия, 191015, Санкт-Петербург, ул. Таврическая, 45/82).

Andrey A. Terentyev — Ph. D. (History), retired (45/82, Tavricheskaya str., St. Petersburg, 191015, Russia).

narthang@gmail.com

Когда после окончания философского ф-та ЛГУ меня взяли на работу в качестве буддолога в Музей истории религии и атеизма (взамен арестованного по делу Дандарона В. Монтлевича) и предложили думать о новой буддийской экспозиции, я быстро понял, что без тибетского языка здесь не обойтись, и попросил дирекцию музея дать мне ходатайство на Восточный ф-т о разрешении посещать уроки тибетского языка в качестве вольнослушателя. Так в 1976 г. я познакомился с Б. И. Кузнецовым. Моё появление несколько нарушало атмосферу его отеческого общения с группой из шести или семи 17-летних студентов, я-то был уже 27-летним взрослым человеком с некоторым жизненным опытом и сложившимися интересами. Но уже зимой произошёл случай, который нас подружил.

Бронислав Иванович был грузным малоподвижным человеком, у него была повреждена нога во времена блокады Ленинграда, и ходил он с трудом, опираясь на трость. И вот однажды в январе после небольшой оттепели ударил холод и тротуары в одно мгновение покрылись коркой льда. Проходя по Уни-

верситетской набережной, я вдруг увидел, как Б. И. пытается маленькими шажками подойти по льду к краю тротуара, чтобы войти в автобус, — и это ему очень плохо удавалось. Я, конечно, подошёл, помог ему забраться в автобус и решил доехать с ним до метро, чтобы помочь ему дойти от автобуса до метро. Пока ехали, я выяснил, что живёт Б. И. очень далеко, на пр. Космонавтов, и там от метро ему снова придётся ехать на автобусе. Ничего не поделаешь, пришлось мне отложить свои дела и ехать с ним. Когда мы наконец добрались, беседа о том о сём, Б. И. пригласил меня зайти, напоил чаем, и с тех пор я всегда чувствовал его теплое ко мне отношение — он же был чрезвычайно добрым и эмоциональным человеком, хотя внешне и сдержанным.

Некоторые его истории были очень интересны: так, например, он как-то рассказывал, что нашёл в тибетских текстах окончание некоей древней повести, начало которой излагалось в Библии, но там обрывалось на середине. Для меня ещё интереснее был его рассказ о другой тибетской повести, где говорилось, как в древние времена один индийский царь

хотел завоевать соседнее царство, но не мог, потому что там правили его родственники, и поэтому ни народ, ни войско, ни придворные не поддержали бы начало войны. Тогда он нанял одного мудреца, и тот написал якобы священный текст, в котором было сказано, что и убивающий заблуждается, думая «я убиваю», и убиваемый заблуждается, думая, «меня убивают», что всё это подобно иллюзии, а главная реальность — это кармический долг каждого человека, в том числе обязанность военачальников и воинов сражаться. Затем эту рукопись спрятали в далекой пещере на пару лет, а когда вход в пещеру уже зарос кустарником, царь объявил, что увидел вещий сон о священной книге, спрятанной в пещере, и повёл придворных и дружину проверить этот сон. «Священная рукопись» была найдена, торжественно доставлена в столицу и послужила оправданием задуманной царём войны.

Если всё это действительно именно так рассказывалось, вряд ли можно сомневаться, что речь идёт о некой версии истории написания Бхагавадгиты.

Интересные вещи Бронислав Иванович рассказывал и в личных беседах.

Очень тепло отзывался он о Б. Дандароне, с которым довольно много общался когда-то в Бурятии. Там однажды, когда они через поле возвращались из Иволгинского дацана (где к Дандарону относились с большим почтением), Дандарон на закорках переносил его через заболоченные места, где Б. И. со своей повреждённой ногой и тростью не смог бы сам пройти (и это при грузной комплекции Бронислава Ивановича!). Но о своих занятиях с Дандароном Б. И. говорил, что подолгу сидеть с ним не мог, — у Дандарона был столь сильный характер, аура, что у чувствительного Б. И. быстро начинала болеть голова.

А в последние годы я иногда вспоминаю его пророчество о Китае — когда какой-то наш разговор коснулся магнитофонов и я восхитился японской электроникой, Бронислав Иванович, пренебрежительно махнув рукой, воскликнул: «Да что Вы, Андрей, китайцы скоро всех обгонят — гигантский тысячелетний культурный потенциал рано или поздно проявится!» Я тогда не поверил — ведь Китай в 1970-х гг. был нищей и отсталой страной, вдобавок с тоталитарным правлением...

На втором курсе Бронислав Иванович неожиданно сделал мне предложение о совместной работе над переводом с тибетского языка работы Васумитры о школах раннего буддизма. Дело, как я понимаю, было в том, что я знал санскрит, и это намного бы облегчило работу над переводом индийского текста с тибетского перевода. Для вчерашнего студента такое предложение было более чем лестно и почётно —

совместная публикация с ведущим учёным! Но я в тот год был чрезвычайно загружен двумя крайне важными для меня проектами: завершением диссертации и разработкой системы отождествления буддийских изображений, поэтому, пусть и с большим сожалением, я вынужден был отказаться, хотя и чувствовал себя при этом весьма неловко.

Но через несколько лет Б. И. задумался о переводе на русский язык фундаментального трактата Чже Цонкапы «Ламрим Ченмо» и, к моей радости, вновь предложил мне сотрудничать. Этот основополагающий для понимания буддизма текст очень важен: его первая часть была переведена в начале XX в. Г. Цыбиковым, а мой литовский друг по буддийскому подполью, Альгирдас Кугявичус, уже начал было переводить вторую часть самостоятельно, но я надеялся, что Б. И. — один из двух ведущих тибетологов страны — справится с этим быстрее и лучше, и взялся помогать ему в этой большой работе. Работали мы так: Кузнецов делал первый вариант перевода и передавал его мне для обсуждения. Тибетский язык он знал превосходно. Я же изучал буддизм уже несколько лет и уже начал втайне практиковать его под руководством бурятского ламы Ж.-Ж. Цыбенова, поэтому даже мой небольшой опыт оказался очень важен в этой работе.

За сравнительно короткое время Б. И. Кузнецов успел перевести начерно три первые части Ламрима, но в 1985 г. эта работа была трагически прервана его безвременной кончиной. Вдова Бронислава Ивановича передала мне рукописи перевода, и я стал думать, что предпринять дальше.

Не могло быть и речи об издании чернового перевода Б. И. Кузнецова, так как он нуждался в очень основательной доработке, произвести которую в одиночку мне было не по силам. Я попытался организовать группу для доработки этого перевода. В нее поначалу вошли Е. Огнева, Р. Крапивина, наш тибетский друг Таши и Альгирдас Кугявичус. Однако совместная работа как-то не наладилась, и вскоре мы с Альгирдасом остались вдвоем. Года два я надеялся, что удастся согласовать версии переводов Б. И. Кузнецова и А. Кугявичуса, пока наконец не убедился, что творческий стиль и подход к интерпретации терминологии обоих переводчиков совместить невозможно. И поскольку А. Кугявичус к этому времени продвинулся в работе гораздо дальше, не оставалось иного выбора, как готовить к изданию его перевод, отказавшись от попыток сочетать его с работой Б. И. Кузнецова.

Десять лет знакомства, учебы, дружбы и наконец совместной работы с замечательным человеком и тибетологом Брониславом Ивановичем Кузнецовым навсегда остались в моей памяти.